

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2025-4-52-61

EDN: KFMOWD

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Петрова М. С. Практика наказаний в уголовном праве в России в 1760-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4(71). С. 52–61. DOI: 10.17072/2219-3111-2025-4-52-61. EDN: KFMOWD*

ПРАКТИКА НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В РОССИИ В 1760-Е ГОДЫ¹

М. С. Петрова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва,
ул. Мясницкая, 20
petrovamariss@gmail.com

Представлено исследование практики наказаний в уголовном праве России в 1760-е гг. на материалах имущественных преступлений без применения насилия. В рамках изучения структуры суда и следствия рассмотрены основные виды наказаний, используемые в тот период, частота и основание их применения, основные тенденции изменения, связанные с реформами Елизаветы Петровны и Екатерины II, а также степень влияния на них идеалов эпохи Просвещения. Исследование базируется на неопубликованных материалах Московской розыскной экспедиции, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, ранее не привлекавших внимание исследователей уголовного права России XVIII в. В статье анализируется материал из корпуса, состоящего из более 300 судебно-следственных дел, из которого для презентации выбраны дела за 1764 г.: 50 дел, 78 подследственных и 83 приговора суммарно. Изучены практика вынесения приговоров, их исполнение, специфика наказаний по отношению к различным социальным группам: применение кнута и плетей как телесных методов наказания, частота применения ссылки на каторгу. Результаты исследования указывают на значимость преобразований в уголовном судопроизводстве середины XVIII в. В первую очередь мораторий на применение смертной казни, а также изменения в процессуальных основах суда над отдельными сословиями стали важнейшими этапами в реформировании существовавшей системы права, которая в периоды правления Елизаветы Петровны и Екатерины II находилась под высоким уровнем влияния идей эпохи Просвещения.

Ключевые слова: история права, XVIII в., история уголовного процесса, смертная казнь, телесные наказания, эпоха Просвещения.

Введение

В середине XVIII в. судебно-следственная система Российской империи претерпевала ряд изменений, направленных на трансформацию системы права, а также продиктованных высокой степенью влияния идей эпохи Просвещения. Судебно-следственный процесс к середине века имел процессуальные основы, заложенные еще Соборным уложением 1649 г., которые лишь частично были корректированы законодательством Петра I. К началу правления Елизаветы Петровны система требовала реформирования: широкое применение телесных наказаний, пытки и практика смертной казни становились серьезным препятствием для эволюции системы права.

Вопрос наказаний в уголовном праве XVIII в. занимал еще исследователей-современников. В XIX в. большое внимание уделялось мораторию на смертную казнь, введенную Елизаветой Петровной [Щербатов, 1860; Загоскин, 1892], а также проблематика смертной казни в целом освещалась и в более общих юридических работах по уголовному праву [Линовский, 1849; Владимирский-Буданов, 1995]. В XIX в. исследователей привлекало в первую очередь законодательное закрепление процессуального права, также историки права работали с

документами делопроизводства по отдельным категориям дел [Семевский, 1991], но полноценного синтеза делопроизводственной документации с нормативно-правовыми материалами не производилось. В советской историографии тенденция превалирования законодательных источников сохранилась, но методология претерпела изменения: в рамках подхода марксизма-ленинизма происходил переход к методологии социологической школы [Солодкин, 1966; Чельцов-Бебутов, 1948]. Тем не менее появились первые исследования, проводившие компаративный анализ двух типов источников. Изучение истории «царской тюрьмы» М. Н. Гернетом [Гернет, 1951] представило первое фундаментальное исследование пенитенциарной системы Российской империи. В 1980-е гг. издавались ранее не опубликованные источники эпохи Екатерины II [Омельченко, 1989], которые открывали новые горизонты для исследователей истории права [Омельченко, 2004; Серов, 2009]. Синтез делопроизводственной и законодательной документации стал особенно популярен с распространением микроисторического подхода, где материалы судебного делопроизводства привлекались к исследованиям как в изучении социальной истории [Смилянская, 2016; Кошелева, 2004; Курукин, Никулина, 2008], так и в работах историко-правового характера [Анисимов, 2000; Бабкова, 2012; Акельев, 2012]. Тем не менее существующие работы посвящены отдельным специфическим категориям дел, в то время как фундаментальные работы по общеуголовному процессу XVIII в. в настоящее время являются лакуной, но компаративный метод в изучении истории процесса через соотнесение законодательных актов и делопроизводственного материала уже используется исследователями [Коллманн, 2017]. Настоящая статья является частью большего исследования, посвященного изучению практики судебно-следственного процесса в России в 1750–1770-е гг., базирующегося на ранее не опубликованных материалах Московской розыскной экспедиции, количество которых составляет более 300 судебно-следственных дел по имущественным преступлениям без применения насилия.

В настоящей статье представлены материалы за 1764 г., в которых проводилось полноценное следствие, а также была доказана виновность подследственного: 50 дел, 83 приговора, 78 подследственных (5 из которых – рецидивисты, осужденные в течение одного года дважды). Хронологическая рамка выбрана по причине уже состоявшейся к 1764 г. первой обширной реформы Екатерины II (указ от 10 февраля 1763 г.) и полного введения в практику моратория на смертную казнь, что стало первым важным этапом трансформации процесса.

Существование практики вынесения приговоров и их исполнения в рамках розыскного процесса является одной из наиболее характерных черт судебно-следственной деятельности Московской розыскной экспедиции, которая впоследствии перестала быть прерогативой оперативно-розыскной деятельности [Горяинов и др., 2006, с. 281], корни которой лежат в функциях суда и следствия XVIII в. Постепенная эволюция процесса особенно ярко наблюдается в правление Екатерины II: императрица провела ряд реформ, направленных на изменение принципов следствия. Главным образом, говоря о наказаниях, стоит отметить, что императрица во многом руководствовалась идеями Монтескье.

Монтескье постулировал, что строгость наказания должна быть заменена на возвзвание к более тонким чувствам субъекта, которые в первую очередь предотвращают злодеяния (Монтескье, 1955, с. 79), а жестокость наказания не столь важна для эффективности его влияния (Там же, с. 80). Данные идеи стали основными столпами доктрины Екатерины II: сокращение области применения телесных методов изыскания истины, осуждение чрезмерной жестокости в исполнении наказаний. В своем именном указе от 10 февраля 1763 г. императрица постулировала, «...что лучше в неизвестии, и не имея точного обличения виновного свободить, нежели невинного истязать...» (ПСЗРИ, 1830, № 11750). Именно эта просвещенческая мысль была в дальнейшем развита юристами и стала одним из столпов становления института прав человека [Costas Douzinas, 2000, р. 143]. Важное место также в эволюции уголовного права заняли воспитательная и предупредительная роли наказания [Hart, 1982, р. 58], а также возможность судебной ошибки [Laudan, 2006, р. 10]. Свидетельство внедрения данных принципов в практику судебно-следственного процесса в России XVIII в. позволяет судить о том, что система права Российской империи постепенно приближалась к идеям, руководящим законодательством стран Европы. В историографии большое внимание уделяется «Наказу» Екатерины II как па-

мятнику права, запечатлевшему это свидетельство, но «Наказ» не находился в применении в низовой практике. В то же время указы Елизаветы Петровны, установившие мораторий на смертную казнь, а также указы, изданные в первые годы правления Екатерины II, не только фактически изменяли систему ведения процесса, но и ссылки на них, включаемые в определения и решения суда, становились одной из обязательных частей делопроизводства по уголовным преступлениям, что становится ярким свидетельством внедрения просвещенческих идеалов в практику ведения процесса.

Законодательное основание следствия по имущественным преступлениям в 60-е гг. XVIII в.

Во второй половине XVIII в. уголовное судопроизводство регламентировалось процессуальным законодательством Петра I («Краткое изображение процессов», «О форме суда») и положениями Соборного уложения 1649 г. В стандартной форме следствия первичным мероприятием становился допрос подследственного, на основании которого определялись дальнейшие действия следствия: в случае отсутствия разноречий проводился суд, в случае же их наличия производились вторичные следственные действия (очная ставка, повальный обыск, пристрастный расспрос, пытка), по итогам которых назначалось судебное заседание, выносившее определение или решение. На протяжении всего века правила ведения следствия (в первую очередь касавшиеся действий в случае разноречий) претерпевали постоянные изменения, которые связывались не только с реформами самого процесса, но и с преобразованием структуры административных органов. Полномочия по проведению тех или иных мероприятий (например, пытки) законодательством перераспределялись между разными инстанциями, что вызывало правовые коллизии. Например, при учреждении Сыскного приказа в 1730 г. данный орган получил эксклюзивное право на ведение «розыска» по делам, переданным из полиции, но широта спектра следственных мероприятий, проводившихся по общеуголовным делам, не упомянутых в нормативно-правовом акте, оставила за полицией основную часть следствия. Несмотря на подобные пробелы в праве и ряд проблем в системе ведения следствия, пенитенциарная система претерпевала меньшие изменения, чем сам процесс: наказания соответствовали статьям Соборного уложения и указам Петра I.

Вслед за структурными изменениями, которые проводились в судебно-следственной системе в первой половине века (появление иных инстанций, учреждение Сыскного приказа, изъятие части полномочий из ведения полиции и прочее), в правление Елизаветы Петровны, 7 мая 1744 г., вышел Сенатский указ, который накладывал мораторий на смертную казнь, и все случаи, в которых следствие приходило к выводу, что данная мера является обязательной, направлялись на рассмотрение императрицы (ПСЗРИ, 1830, т. XV, № 8944). Но через некоторое время их количество превысило возможность личного рассмотрения каждого [Бабкова, 2003, с. 48]. Некоторые статьи Соборного уложения, которые соответствовали имущественным преступлениям без применения насилия, подразумевали данную меру, например: гл. XXI «О розбойных и татиных делах» ст. 14 (смертная казнь за церковные кражи), 18 (за многочисленные рецидивы), 39 (за кражи у представителей высших слоев) и т.д. (Соборное уложение..., 2011, с. 237–239). В случае привлечения данных статей приговоры стали по умолчанию заменяться битьем кнутом, вырезанием ноздрей и ссылкой на каторгу (в Сибирь или Оренбург). Из изученных дел не встречается ни одного случая смертной казни.

Вторым этапом приостановки исполнения смертной казни в 1753 г. стал Высочайший утвержденный доклад «Об именовании политической смертью взведение на виселицу или положение головы на плаху; о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговоров в исполнение; и о подтверждении указа 1720 Августа 16, касательно жен и детей тяжких преступников» (ПСЗРИ, 1830, № 10087). Данный доклад был издан 29 марта 1753 г., и он стал вторым этапом наложения моратория на смертную казнь: теперь каждый смертный приговор не требовал дополнительного рассмотрения императрицей, а официально автоматически заменялся иными мерами. Исходя из его текста, приговоренные к «натуральной смерти» преступники не должны более подвергаться

смертной казни, ее заменой становилась главным образом «вечная ссылка», что означало ссылку в Сибирь на поселение или на каторгу, в зависимости от тяжести преступления и личности преступника (Там же). Указ не содержал специфические указания о назначении иных вариаций наказаний, но, как показало исследование, женщины, люди пожилого возраста и имеющие физические недостатки ссылались на поселение, в то время как здоровые мужчины, достигшие взрослого возраста, как правило, – на каторгу. Данное правило в дальнейшем имело множество исключений, так как к подобным мерам постепенно стали прибавляться более поздние указы: лица разной социальной принадлежности могли быть подвергены разным степеням наказания, люди крепостного состояния получали наказание в зависимости от воли их хозяина (в соответствии с указом «О возвращении беглых их владельцам, и об ответственности держателей приемщиков и укрывателей оных» от 13 мая 1754 года (ПСЗРИ, 1830, № 10233)).

Практика следствия: общая характеристика приговоров

В 1760-х гг. сформировался стандартный порядок следствия: первым этапом становился допрос подследственного (или подследственных), по результатам которого выявлялось отсутствие или наличие «разноречий» (неоднозначные или противоречивые показания). В случае их отсутствия проводился суд, выносивший решение, если же «разноречия» присутствовали, следствие проводило другие мероприятия: очная ставка, повальный обыск, пристрастный расспрос, пытка, каждое из которых, согласно процессуальным нормам, назначалось отдельным определением суда.

Заключительной стадией процесса становилось вынесение судом официального приговора и его исполнение. По результатам финального судебного заседания суд выносил решение, которое содержало:

- 1) обстоятельства дела;
- 2) информацию, полученную в ходе первичного допроса;
- 3) предшествующие определения суда (*при наличии*);
- 4) полный список проведенных следственных мероприятий с результатами («*в показаниях утвердился*», «*с себя сговорил*» и пр.);
- 5) экстракт со статьями, на основании которых проводились следственные мероприятия (пытка, повальный обыск) (*при наличии*);
- 6) законодательное обоснование выносимого приговора (список примененных статей);
- 7) приговор.

После вынесения судебного решения в дела включалась справка об исполнении приговора. В целом форма была единой для всех дел. Виновность подследственных была доказана 1764 г. в 87 % дел. Приговор не всегда означал обязательность следующего за ним наказания: в ряде случаев, когда ответчиками становились крепостные, уже после решения суда помещик в соответствии с указом от 13 мая 1754 г. мог потребовать прекращения процесса в отношении своего крепостного.

В табл. 1 приведена статистика по назначенным наказаниям в корпусе исследованных дел за 1764 г.

Таблица 1

Типы наказаний за имущественные преступления в 1764 г.

Тип наказания	Количество приговоров	%
Плети	18	21,7
Ссылка	17	20,5
Нет	16	19,3
Отсылка в другое учреждение	15	18,1
Кнут	9	10,8
Смерть ответчика	4	4,8
Штраф	3	3,6
Тюрьма	1	1,2

Наиболее частым наказанием становилось битье плетьми, которое применялось в отношении дел без отягчающих обстоятельств. Назначаемые, как правило, статьями Соборного уложения наказания содержали формулировку о наказании кнутом, но в более 2/3 случаев запись, фиксировавшая применение санкции, содержала формулировку «с наказанием вместо кнута плетьми» (напр: РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 219. Л. 26). В 1764 г. данная практика по-прежнему оставляла высокий процент итогового применения кнута, но к 1768 г. наказание кнутом применялось значительно реже (около 5 % от всех приговоров).

Ссылка, занимающая второе место по распространенности, становилась неоднородной мерой. В данную категорию были включены наравне как каторга, так и ссылка на поселение по ряду причин. Во-первых, суд назначал любой из видов ссылки при обращении к одним и тем же статьям (из раннего законодательства – Соборное уложение 1649 г. и указы Петра I). Во-вторых, замена каторги на поселение иногда происходила уже после суда, и в ходе исследования встретился ряд дел, где решением суда ответчик приговаривался к ссылке на каторгу, но в справке об исполнении приговора указывалось, что он был отправлен на поселение. Мы не можем констатировать, были ли данные случаи следствием ошибки суда, проявлением коллизий законодательства, или же стандартной и принятой практикой, поэтому в исследовании приговоры к различным видам ссылки объединены в единую категорию. Тюремное заключение и штрафы являлись скорее исключениями из практики, применялись в редких случаях.

Важнейшую роль в назначении наказания Московской розыскной экспедицией играла социальная принадлежность ответчика, что характеризуется высоким распространением практики передачи дальнейшего следствия под юрисдикцию других органов или же отсутствием наказания вовсе.

Специфика наказаний по социальным слоям

Статистика принадлежности подследственных к социальным группам показана в табл. 2.

Таблица 2

Социальный статус подследственных

Звание	Количество приговоров	%
Крестьяне и дворовые	33	44
Купцы	9	12
Солдаты	10	14
Солдатки	9	12
Фабричные	10	13
«Ученики» (малолетние до 14 лет)	4	5

Из 78 обвиняемых, прошедших через следствие, пять человек находились в Розыскной экспедиции по два раза, что объясняет различие в числовых данных.

В делах, в которых не было отягчающих обстоятельств (т.е. рецидива, краж больших сумм, краж с убийствами и т.п.) и где подсудимыми оказывались солдаты, обвиняемых отправляли в органы военного судопроизводства, юрисдикции которых они подлежат. Примеры: «отослать главной артиллерию и фортификации в кантору при доношении» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 56. Л. 42); «для учинения с ними по указу... отослать государственной военной коллегии в кантору при доношении» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 160. Л. 80). Специфика наказания солдат не представлена в исследовании, так как после отправки в органы военного суда информации о дальнейшей судьбе подследственного в Московскую розыскную экспедицию не поступало. Подобная практика применялась по отношению и к купцам: после первичного следствия при условии отсутствия отягчающих обстоятельств их направляли для дальнейшего следствия в городские магистраты. Жены военных выделены в отдельную категорию, так как следствие не отправляло их для суда под трибунал, но по окончании следствия их осво-

бождение производилось под расписку либо от супруга (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 36), либо от представителя полка, к которому был причислен ее муж (чаще всего подобная практика встречалась в случаях, где подследственными были солдатские вдовы (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 22. Л. 180)). Самой малочисленной категорией среди изученных дел стали малолетние – 4 человека из 78. Несмотря на малое количество, возможно выделить две тенденции: в случае нетяжких преступлений (кражи на малые суммы) наказание проводилось при помощи розог (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 139. Л. 15). Если же преступление было более тяжким (например, церковная кражи), следствие ожидало наступления возраста ответчика, когда он сможет понести полноценное наказание (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 15. Л. 66). Тем не менее из-за малого количества дел в выборке выводы могут считаться исключительно промежуточными.

Представители зависимых сословий

Особенности следствия в случае попадания крестьян в «подозрительство» объясняются распространенностью именного указа Елизаветы Петровны от 13 мая 1754 г. Он касался ответственности за укрывательство преступников, но в пункте 31 содержалась следующая формулировка: «*31. Всем беглым людям и крестьянам за побег при отдаче владельцам их чинить наказание по воле их владельцев или их поверенных, а дворцовым, Государственным, Синодальным... чинить наказание плетью...*» (ПСЗРИ, 1830, № 10233).

Большинство попавших под следствие крестьян совершали преступления после побега от хозяев, соответственно, в ходе следствия к ним применялась указанная выше статья.

Частыми были случаи, когда дворовый, осужденный за кражу, был приговорен к наказанию кнутом, но его хозяин заявлял, что желает забрать его под расписку и учинить наказание самостоятельно.

Из 83 приговоров за 1764 г., изученных в ходе исследования, в 33 случаях при освобождении присутствовала расписка. Из указанных 33 финальное решение было принято на основании воли помещика в 20 случаях, в остальных 13 приговор осуществлялся в соответствии с судебным процессом Розыскной экспедиции. Из 20 приговоров, основанных на воле владельца, подкрепленных распиской, 10 подсудимых были дворовыми, 6 – крестьянами, 4 – фабричными (табл. 3, 4).

Таблица 3

Наличие расписки и вынесение судебного решения, %

Расписка		Решение		Социальный статус	
Нет	60				
Да	40	Московская розыскная экспедиция	39,39		
		Владелец	60,61	Дворовые	50
				Крестьяне	30
				Фабричные	20

Согласно данным, представленным в табл. 4, из всех находившихся под следствием представителей зависимых сословий, попавших под действие указа 13 мая 1754 г. (исключая фабричных), 16 из 33 человек были освобождены не на основании решения суда, но по воле хозяина, что составляет почти половину случаев осуждения крепостных крестьян и дворовых.

Таблица 4

Наличие расписки и внесение судебного решения (в числовом выражении)

Расписка		Решение		Социальный статус	
Нет	50				
Да	33	Московская розвыскная экспедиция	13		
		Владелец	20	Дворовые	10
				Крестьяне	6
				Фабричные	4

В деле от 10 января 1764 г. малолетняя дворовая Анна Мокеева оказалась в приводе по обвинению в совершении мелких краж на рынке (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 9. Л. 18). Несмотря на наличие обвинений по нескольким статьям Соборного уложения, по которым дворовая подлежала наказанию, хозяева забрали ее под расписку, для собственноручного учинения (Там же. Л. 20). Также благодаря благоволению своего хозяина, еще более жестокого наказания удалось избежать крепостному кузнецу Семену Антонову по делу за 27 апреля 1764 г. Он был обвиняемым по делу о разбое и имел за собой уже два привода в Сыскной приказ; по статьям, он был приговорен к вырезанию ноздрей и наказанию кнутом. Несмотря на это, впоследствии хозяин забрал его под расписку с обещанием «учинить наказание» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 114. Л. 43). Воля помещика также помогла избежать наказания дворовому Андрею Матвееву, который фигурировал сначала в деле от 4 октября 1764 г. за уличные кражи (также было упомянуто, что он уже был в приводе за убийство часового), а затем и в деле от 9 декабря 1764 г. Во втором деле его характеризовали следующим образом: «Дело... о смертном убийце, церковном тате и разбойнике» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 299. Л. 1), а далее было приведено множество преступлений, совершенных им. На этот раз карманными кражами и убийством часового список не ограничился; за ним значились одна церковная кража, несколько домовых, дорожных разбоев, совершенных с «воровскими людьми», а также убийство в кабаке (Там же. Л. 8). В дальнейшем, по решению суда, Матвеев был приговорен к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке на вечные работы в Сибирь. Несмотря на это, дело заканчивается справкой о том, что хозяин забрал своего дворового под расписку; предварительно приводится объявление от его хозяина: «1765 году марта дня секретарь Иван Федоров сын Набоков, в розвыскную Экспедицию явясь, объявил, что он содержитсѧ во оной Экспедиции дворовому своему человеку Андрею Матвееву наказания никакого не желает, а желает ево Матвеева из оной Экспедиции взять без наказания к себе по-прежнему» (Там же. Л. 19).

Несмотря на такие случаи, иногда помещики проявляли обратную волю. В деле от 12 августа 1764 г. за кражу у курьера 14 рублей дворовый человек Андрей Гаврилов был приговорен к ссылке в Сибирь по решению суда и одобрению своего хозяина (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 216. Л. 142).

Похожие тенденции можно заметить и в делах с участием фабричных. В деле от 20 августа 1764 г. малолетний фабричный рабочий Петр Баранов был пойман уже во второй раз за ограбление и получил приговор к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в Сибирь. Но перед справкой, постановляющей назначение наказания, идет лист, где упоминается, что хозяин фабрики согласен с таким наказанием и отказывается от ответственности за своего работника (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 220. Л. 26).

Тенденции изменения наказаний можно проследить и в делах с представителями других социальных слоев. В деле от 6 июля 1764 г. по челобитной Покровского монастыря в Экспедицию был приведен поп Стефан Соловьев, которого обвинили в нескольких кражах, а также в систематическом пьянстве. Несмотря на всю серьезность обвинения, на одном из листов пред-

ставлена записка, написанная его рукой: «За оказанную мою погрешность, каюсь, прошу... без наказания определить в военную службу» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 186. Л. 12 об.).

Итоговым решением стало освободить его от наказания (Соловьеву пришлось только вернуть украденные суммы) и удовлетворить просьбу об отправке его в армию. Подобный случай имел место в деле от 13 сентября 1764 г., где преступная группировка обвинялась в нескольких разбоях и дорожных грабежах. Среди обвиняемых был монастырский крестьянин Кондратий Никифоров, от имени которого в дело включена записка, написанная не рукой канцеляриста, а (судя по почерку) самим Никифоровым. Адресована она некоему «приятелю» его «государю» с просьбой, чтобы он посодействовал его помилованию, так как у Никифорова семья, где он является единственным кормильцем (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 240. Л. 12). Важно то, что под обвинение попали трое: вместе с Никифоровым были два сообщника, и в вину всем троим вменялось одно и то же. Тем не менее, согласно итоговому приговору, его сообщники были сосланы в Сибирь, в то время как Никифоров был отпущен под расписку пономаря с наказанием кнутом.

«Очищение кровью», то есть освобождение от наказания, учитывая в качестве него уже примененные к преступнику пытки, встречалось достаточно редко. Факт сокращения пыток кнутом и замена его плетью создавали разницу между предполагаемым условием «очищения кровью» и итоговым фактическим наказанием. Многие из получивших финальное наказание кнутом уже в ходе дела были пытаны, в том числе и по «правилу трех пыток» [Семевский, 1991, с. 4], но все равно это не освободило их от положенного законом наказания.

Заключение

В целом кардинальные изменения коснулись только количества высланных в ссылку (на каторгу или на поселение). Это может быть объяснено не только изменениями в уголовном законодательстве, но и статистикой по преступлениям (в 1764 г. в Московской розыскной экспедиции велось больше дел с участием преступных группировок и по церковным кражам).

Несмотря на наличие указанных выше тенденций, проблематику вынесения приговоров стоит воспринимать через один принципиальный аспект: большинство подследственных принадлежали к зависимой части населения (крепостные крестьяне, дворовые, фабричные) из-за правовых реалий 1760-х гг., чьи приговоры определялись законодательной спецификой.

Реформы Елизаветы Петровны и Екатерины II позволили изменить основные паттерны пенитенциарной системы: мораторий на смертную казнь и замена кнута плетью стали первым поворотом системы уголовного судопроизводства в направлении идеалов Просвещения. По общеуголовным преступлениям без применения насилия, которые, в соответствии со статьями Соборного уложения и законодательством Петра I, предполагали смертную казнь, высшая мера более не применялась. В 1764 г. применение телесных наказаний не получило радикального сокращения; по-прежнему широко применялся кнут, но постепенно и он заменялся плетью, и при изучении более позднего периода (1768 г.) трансформации плети практически полностью вытеснили кнут. Сложность в определении моделей следствия представляет широкое применение законодательного акта от 13 мая 1754 г., определявшего в судебно-следственном процессе роль помещика выше, нежели роль судебной инстанции. Тем не менее данная тенденция позволяет судить о ряде социальных процессов, определявших общество в 60-е гг. XVIII в.

Примечания

¹ Статья выполнена по программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218–220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314.

Монтескье Ш. Л. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. М., 1955.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. № 8944, 10233, 10087, 11750. Соборное уложение 1649 г. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., 2011.

Библиографический список

- Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. 413 с. ISBN: 978-5-235-03508-9. EDN: QPVQKB.
- Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. М., 1999. 720 с. ISBN: 5-86793-076-9. EDN: YPGCOD.
- Бабкова Г.О.* «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х годов // Высшая школа экономики. 2012. № 4.
- Бабкова Г.О.* Политика Екатерины в области уголовного права и судопроизводства в 1762–1767 гг. // Фемис: ежегодник истории права и правоведения. 2003. № 4. С. 48.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. 640 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. 1762–1825. М., 1951. 328 с.
- Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К.* Теория оперативно-разыскной деятельности. М., 2006. 832 с.
- Загоскин Н.П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. 103 с.
- Коллmann Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / науч. ред. А.Б Каменский. М., 2016. 616 с.
- Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. 489 с. ISBN: 5-94282-262-X. EDN: QOXKMT.
- Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. 639 с.
- Линовский В.* Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849.
- Омельченко О.А.* К истории судебной политики «просвещенного абсолютизма» в России // Вопросы истории права и правовой политики в эксплуататорском государстве: сб. науч. тр. М., 1989. С. 68–98.
- Омельченко О.А.* Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М., 2004. 604 с.
- Семевский М.И.* Слово и дело! 1700–1725. М., 1991. 328 с.
- Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. 488 с.
- Смилянская Е.Б.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. 384 с.
- Солодкин И.И.* Русское уголовное право в конце XVIII – первой трети XIX веков. Л., 1966. 169 с.
- Чельцов-Бебутов М.А.* Уголовный процесс. М., 1948. 846 с.
- Щербатов М. М.* Размышления о смертной казни. М., 1860.
- Costas Douzinas.* The End of Human Rights. Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Portland, 2000. 410 p.
- Hart H.L.A.* Law, Liberty and Morality. Oxford, 1982. 86 p.
- Laudan L.* Truth, Error, and Criminal Law. An Essay in Legal Epistemology. Cambridge, 2006. 238 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.05.2024

THE PRACTICE OF PUNISHMENTS IN CRIMINAL LAW IN RUSSIA IN THE 1760^s

M. S. Petrova

National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russia
petrovamariss@gmail.com

The article presents a study of the practice of punishments in the criminal law of Russia in the 1760s on the materials of property crimes without the use of violence. As part of the study of the structure of the court and investigation, the main types of punishments used at that time, the frequency and basis of their application, as well as the main trends of their changes associated with the reforms of Elizabeth and Catherine the Great, as well as the level of influence of the ideals of the Enlightenment era are considered. The research is based on unpublished materials of the Moscow Investigative Expedition, based in the Russian State Archive of Ancient Acts that had not previously attracted the attention of researchers of the criminal law of Russia of the 18th century. The article analyzes the material from the corpus consisting of more than 300 investigative cases, from which cases for 1764 were selected for representation - 50 cases, 78 cases under investigation and 83 sentences in total. The study examined the practice of sentencing, execution, the specifics of punishments in relation to various social groups, the use of whips and lashes as

corporal punishment methods and the frequency of the use of exile to penal servitude. The results of the study indicate the importance of transformations in criminal proceedings in the middle of the 18th century – first of all, the moratorium on the use of the death penalty, as well as changes in the procedural foundations of the trial of individual estates, became the most important stages in reforming the existing system of law, which during the reign of Elizabeth and Catherine II was under a high level of influence of the ideas of the Enlightenment.

Key words: history of law, 18th century, history of criminal procedure, death penalty, corporal punishment, Age of Enlightenment.

Acknowledgments

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Akel'ev, Ye. V. (2012). *Povsednevnaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [The everyday life of the criminal world of Moscow in the times of Van'ka Kain]. Molodaya gvardiya.
- Anisimov, Ye. V. (1999). *Dyba i knut* [The rack and the knout]. Novoye literaturnoye obozreniye.
- Babkova, G. O. (2003). The policy of Catherine in the field of criminal law and legal proceedings in 1762–1767. *Femis: Yezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*, 4, 48–67.
- Babkova, G. O. (2012). "Voiceless citizens": Juvenile offenders in the judicial system of Russia in the 1750s–1760s. *Vysshaya shkola ekonomiki*, 4, 32–47.
- Chel'tsov-Bebutov, M. A. (1948). *Ugolovnyy protsess* [Criminal procedure]. Yuridicheskoye izdatel'stvo.
- Douzinas, C. (2000). *The end of human rights: Critical legal thought at the turn of the century*. Hart Publishing.
- Gernet, M. N. (1951). *Istoriya tsarskoy tyur'my: V 5 t. T. 1: 1762–1825* [History of the tsarist prison: In 5 vols. Vol. 1: 1762–1825]. Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
- Goryainov, K. K., Ovchinskiy, V. S., & Sinilov, G. K. (2006). *Teoriya operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Theory of investigative operations]. INFRA-M.
- Hart, H. L. A. (1982). *Law, liberty and morality*. Oxford University Press.
- Kollmann, N. Sh. (2016). *Prestupleniye i nakazaniye v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia] (A. B. Kamenskiy, Ed.). Novoye literaturnoye obozreniye.
- Kosheleva, O. Ye. (2004). *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [The people of the St. Petersburg Island in Peter's time]. OGI.
- Kurukin, I. V., & Nikulina, Ye. A. (2008). *Povsednevnaya zhizn' Taynoy kantselyarii* [The everyday life of the Secret Chancellery]. Molodaya gvardiya.
- Laudan, L. (2006). *Truth, error, and criminal law: An essay in legal epistemology*. Cambridge University Press.
- Linovskiy, V. (1849). *Opyt istoricheskikh razyskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [An essay of historical research on investigative criminal procedure in Russia]. Gorodskaya tipografiya.
- Omel'chenko, O. A. (1989). On the history of the judicial policy of "enlightened absolutism" in Russia. In *Voprosy istorii prava i pravovoy politiki v ekspluatatorskom gosudarstve: Sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the history of law and legal policy in an exploitative state: Collection of scientific works] (pp. 68–98). VYUZI.
- Omel'chenko, O. A. (2004). *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka. Issledovaniya i ocherki* [Power and law in 18th-century Russia. Studies and essays]. Yurist'.
- Semevskiy, M. I. (1991). *Slovo i delo! 1700–1725* [Word and deed! 1700–1725]. Sovremennik.
- Serov, D. O. (2009). *Sudebnaya reforma Petra I: istoriko-pravovoye issledovaniye* [The judicial reform of Peter I: A historical-legal study]. Zertsalo.
- Shcherbatov, M. M. (1860). *Razmyshleniya o smertnoy kazni* [Reflections on the death penalty]. Universitetskaya tipografiya.
- Smilyanskaya, Ye. B. (2016). *Volshebni, bogokhul'ni, eretiki v setyakh rossiyskogo syska XVIII veka* [Sorcerers, blasphemers, heretics in the nets of the Russian investigation of the 18th century]. Novoye literaturnoye obozreniye.
- Solodkin, I. I. (1966). *Russkoye ugolovnoye pravo v kontse XVIII – pervoy treti XIX vekov* [Russian criminal law in the late 18th – first third of the 19th centuries]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Vladimirskiy-Budanov, M. F. (1995). *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Feniks.
- Zagoskin, N. P. (1892). *Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii* [An outline of the history of the death penalty in Russia]. Tipografiya Imperatorskogo universiteta.